

АЙРИС

ПЛАМЯ ИЗ ПЕПЛА

— Мария Абек —

Мария Абек

Айрис. Пламя из пепла.

«Автор»

2026

Абек М.

Айрис. Пламя из пепла. / М. Абек — «Автор», 2026

Всё изменилось. Чувства уже не прежние. А впереди — новая жизнь. У Айрис и Тео появились дети. Но вместе с ними пришли страхи, сомнения и решения, которые теперь приходится принимать не только за себя. Айрис предстоит вернуть то, что изменилось между ними, сохранить семью и убедить Тео, что будущее их детей не должно быть продиктовано страхом. Но Айрис ещё не знает, что угроза её семье уже совсем близко — и её источник гораздо опаснее, чем страхи, которые разделяют её и Тео.

© Абек М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. "Первый шаг"	5
Глава 2. «Вместе.»	12
Глава 3. «Утро надежды».	19
Глава 4. «Тепло и холод».	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Абек

Айрис. Пламя из пепла.

Глава 1. "Первый шаг"

Наш первый день в новом доме начался с рассвета.

Пока Тео разбирал вещи, я стояла на улице и наслаждалась рассветом. Солнце только начинало подниматься над лесом, золотя верхушки деревьев. В воздухе пахло росой, мокрой травой и чем-то новым, ещё незнакомым. Фен сидел рядом, большой чёрный кот с янтарными глазами, и молча смотрел в ту же сторону, что и я.

— Фен, как думаешь, у нас с Тео всё получится? — тихо спросила я. — Я боюсь, что он не сможет смириться со вторым ребёнком.

Фен медленно перевёл взгляд на меня:

— «На сколько я успел узнать Тео, он согласится с тобой. А может, уже согласился. Но ему надо время».

Я посмотрела на заросший сад. Сорняки пробивались сквозь камни, старая беседка покосилась набок, ветви деревьев тянулись к окнам, будто хотели войти внутрь. Всё здесь казалось запущенным, забытым, но живым. Я сняла туфли и осталась босиком на земле. Тёплая, влажная, она коснулась моих ступней, и я почувствовала, как земля откликнулась мне. Едва заметная вибрация пробежала по телу, будто она узнала меня. Будто ждала.

— Надеюсь, Фен.

— «Айрис, ты только вспомни: ты ведь первая поцеловала Тео. Ты даже сказала ему, что согласна с ним встречаться, когда он ещё не успел этого произнести».

Я посмотрела на Фена. Мне показалось, что он улыбается. Его янтарные глаза чуть сощурились, а усы дрогнули — точь-в-точь как у кота, который знает что-то, чего не знаешь ты.

Я тихо рассмеялась и перевела взгляд обратно на сад.

— Тогда, может, мне снова сделать первый шаг? — спросила я, скорее у самой себя.

— «Ты уже сделала, — ответил Фен. — Ты осталась. Ты здесь. Ты ждёшь. Иногда это и есть самый смелый шаг».

Я улыбнулась и посмотрела на него.

— Фен, ты решил определиться с обликом?

— «А тебе не нравится? По-моему, я очень даже красивый».

— Ты очень хорош собой, Фен. Просто решила уточнить. Ты мне таким тоже очень нравишься.

Он довольно мурлыкнул и потёрся мордой о мою ногу. Я наклонилась и почесала его за ухом — там, где он любил больше всего.

За моей спиной скрипнула дверь.

— Айрис, я разобрал вещи. — Тео стоял на крыльце нашего дома. Вид у него был немного растерянным. — Может, поедem в город? Надо докупить ещё несколько вещей. И у нас совсем нет еды.

Он помолчал, переминаясь с ноги на ногу, и добавил тише:

— Или хочешь, я могу съездить один?

Я обернулась и посмотрела на него. Утреннее солнце падало ему на плечи, и в этом свете он казался чуть мягче, чуть уязвимее.

— Я поеду с тобой, — сказала я. — Ты пока купишь, что надо для дома, а я закуплю продукты.

Тео кивнул, и я заметила, как напряжение чуть отпустило его плечи.

Мы отправились в город. Дорога была недолгой, но тишина между нами с каждой минутой нарастала. Она не была злой — она была тягучей, как утренний туман, который никак не хотел рассеиваться. Я смотрела на дорогу, на проплывающие мимо поля, на деревья, и думала о том, что когда-то мы могли молчать иначе — спокойно, уютно, как люди, которым не нужны слова. Теперь же в этой тишине пряталось всё, что мы боялись сказать друг другу.

Фен сидел у меня на коленях и делал вид, что дремлет, но я чувствовала — он прислушивается к каждому нашему вздоху. Он был готов вмешаться, если станет совсем тяжело.

Доехав до рынка, мы разделились.

— Встретимся здесь через час, — сказал Тео, и в его голосе послышалось облегчение. Ему было легче быть одному. Или, может быть, ему было легче не быть рядом со мной в эту минуту.

— Хорошо, — ответила я.

Он кивнул и направился в сторону хозяйственных рядов, а я с Феном отправилась за продуктами.

Рынок в Арранте жил своей шумной жизнью. Голоса торговцев, звон монет, запахи свежей выпечки, трав и влажных овощей. Я шла вдоль множества рядов лавок и чувствовала, как на меня смотрят. Мне казалось, все вокруг оборачиваются, перешёптываются, провожают взглядом. Я опускала глаза, поправляла плащ, стараясь стать незаметнее, но взгляды не исчезали.

— «Ты слишком напряжена», — тихо сказал Фен. — «Они смотрят не потому, что знают тебя. Они смотрят, потому что ты красивая. И потому что ты идёшь с огромным чёрным котом на плече».

Я невольно улыбнулась.

— «И ещё потому, — добавил он, — что у тебя на лице написано, будто ты ищешь врага в каждой тени. Расслабься. Ты просто женщина на рынке. Ты имеешь право здесь быть».

Я глубоко вдохнула и заставила себя выпрямиться.

Фен был прав. Я слишком долго жила в страхе. Слишком долго пряталась. Теперь я могла просто идти и покупать хлеб.

Я подошла к лавке с зеленью, чувствуя, как первые робкие лучи солнца согревают спину.

Сначала я взяла зелень — пучки свежей петрушки и укропа, листья салата, пару связок зелёного лука. Потом фрукты — яблоки, груши, несколько гранатов, что так аппетитно краснели в деревянном ящике. За ними отправились мясо, крупы, масло. Я переходила от одной лавки к другой, и с каждым новым свёртком в моей корзине напряжение понемногу отпускало. Покупки захватили меня с головой — я забыла о взглядах, забыла о тревоге, просто выбирала продукты, прикидывала, что приготовить, радовалась спелым овощам и свежему хлебу.

Через полчаса я накупила уже столько всего, что не знала, как буду это нести до повозки. Руки оттягивали тяжёлые сумки, корзина грозила рассыпаться, а до встречи с Тео оставалось ещё немало времени. Хорошо, что мальчишка из одной лавки — веснушчатый, с рыжими вихрами и быстрыми глазами — вызвался помочь мне за пару монет. Он ловко перекинул через плечо самые тяжёлые свёртки и бодро зашагал рядом.

Когда мы дошли до повозки, Тео уже ждал нас. Он стоял, прислонившись к колесу. В повозке лежало несколько досок и ящик с инструментами.

При виде нашей процессии его брови удивлённо взметнулись вверх.

— Ого, Айрис, вот это да, — сказал он, и я услышала в его голосе не усталость, а искреннее изумление. — Если бы я знал, что ты столько купишь, пошёл бы с тобой.

Впервые за весь день Тео мне улыбнулся. Как прежде. Тепло, искренне, без тени той боли, что пряталась в его глазах всё это время. У меня на душе потеплело.

Мы отблагодарили мальчишку монетой — он довольно кивнул и убежал обратно к своей лавке. Я стояла рядом, пока Тео загружал все покупки в повозку. Смотреть на него было

странно и приятно — он двигался уверенно, быстро, без лишних слов, будто делал это всю жизнь.

— Ты будешь что-то ремонтировать?

Тео поднял голову, поправляя мешок с крупой:

— Да, надо подправить кое-какие мелочи. Крыльцо шатается, пара досок на веранде прогнила. И в саду беседка совсем развалилась.

— И ты умеешь? — я подошла ближе, рассматривая инструменты. — Не думала, что сэр Теориан Ашер умеет держать в руках не только меч и книгу.

Я хихикнула, и Тео, заметив мой игривый тон, многозначительно улыбнулся в ответ. В его глазах мелькнула та самая искра, которую я так любила.

— Я, конечно, не мастер, — сказал он, пряча улыбку. — Но гвоздь забить смогу. И доску прибить. И даже покрасить, если очень надо.

— Тео? — позвала я, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое.

— М-м?

— Давай пойдём ещё купим одежду. А то скоро мне совсем не в чем будет ходить. Платьев, которые дал Роджер, маловато. Да и живот уже заметен — скоро в них не влезу.

Тео опустил взгляд на мой округлившийся живот и вдруг смутился. Кажется, он только сейчас понял, что я говорю серьёзно.

— Ты права, — сказал он, отводя глаза. — Пойдём.

Я уже собралась идти, но Фен перебил меня.

— «Айрис, я останусь в повозке, — сказал он мысленно. — Если что — зови. »

— Ты уверен? — спросила я вслух.

Фен прыгнул в повозку и устроился на мешках с крупой с видом короля, который только что объявил выходной.

— «Вполне. Иди, покупай платья. Я подремлю».

Я покачала головой и повернулась к Тео. Он ждал меня, чуть наклонив голову, и в его глазах уже не было той настороженности, что утром. Что-то менялось между нами — медленно, неуверенно, но менялось.

Мы пошли по рядам в сторону лавок с одеждой. И впервые за долгое время я чувствовала, что мы идём не просто рядом, а снова вместе.

Мы шли мимо лавок с одеждой. Возле витрины одной из них я остановилась. Из-за стекла на меня смотрел манекен в нежно-голубом льняном платье. Оно было такое красивое — свободного кроя, с поясом и карманами, украшенное такой же голубой вышивкой с бисером. Оно выглядело как нежное облако, которое спустилось с неба и замерло в ожидании, пока его кто-то заметит.

— Купим? — спросил Тео.

— Давай посмотрим, — ответила я, чувствуя, как внутри теплеет от одной мысли, что он предложил это первым.

Мы зашли в лавку. Она оказалась идеально чистой и светлой — высокие окна пропускали утреннее солнце, белые стены отражали его, делая пространство воздушным. В воздухе ненавязчиво пахло цветами: ромашкой и, кажется, лавандой. Полки вдоль стен были аккуратно заставлены свёртками тканей, а на вешалках висели готовые платья — от простых повседневных до нарядных, с кружевом и вышивкой.

К нам подошла хозяйка лавки. Женщина лет пятидесяти, с чёрными как уголь волосами, собранными в тугий пучок, и острыми, цепкими глазами. Она смерила нас оценивающим взглядом — меня, мой округлившийся живот, потёртый плащ, Тео с его усталым, но всё ещё благородным лицом.

— Доброе утро, — сказала она, и в голосе её прозвучала ледяная вежливость. — Если хотите просто посмотреть, витрина снаружи даёт отличный обзор. Внутри обычно заходят те, кто собирается покупать.

Она слегка наклонила голову, ожидая.

Я встретила её взгляд и позволила себе улыбнуться — той самой улыбкой, которую когда-то репетировала перед зеркалом в поместье Рейвенвуд, чтобы Лейн не догадался.

— Благодарю за совет, — ответила я ровно. — Но я предпочитаю убедиться в качестве ткани прежде, чем отдавать за неё деньги. У вас очень красивые вещи, но вот компетентность персонала немного хромает.

Я сделала паузу и, не дожидаясь её ответа, шагнула к витрине, протягивая руку к голубому платью.

— Покажете? — Я приподняла бровь и посмотрела на хозяйку.

Хозяйка задержала взгляд на моём лице чуть дольше, чем следовало. Что-то дрогнуло в её глазах — то ли удивление, то ли лёгкое замешательство. Она явно не привыкла, чтобы ей отвечали. Но я стояла и ждала, и в этой тишине было больше силы, чем в любых словах.

Тео, стоящий чуть позади, молчал. Но я чувствовала его присутствие — тёплое, надёжное. Он не вмешивался. Он давал мне пространство быть той, кем я стала.

Хозяйка наконец отвела взгляд, нехотя, будто уступая в невидимом споре.

— Прошу, — сказала она сухо и сняла платье с манекена. — Примерочная в конце зала.

Она протянула мне платье. Я взяла его, чувствуя, как мягкая льняная ткань касается пальцев. И улыбнулась — уже без колкости, просто себе.

— Благодарю.

Я примерила платье, и оно село на мне как влитое. Как будто было сшито именно для меня — каждая складочка, каждый шов, каждый изгиб. Ткань мягко облегла живот, не стесняя движений, а пояс подчёркивал талию, скрывая то, что я хотела скрыть, и подчёркивая то, чем я гордилась. Я посмотрела на себя в зеркало, и на мгновение мне показалось, что я вижу ту девушку, которой была когда-то. До всего. До Лейна. До страха. До потерь.

Оно чудесным образом идеально сочеталось с моими глазами — голубой лён делал их почти прозрачными, глубокими, как озеро, в которое хочется смотреть бесконечно. А цвет моих волос с этим платьем придавал мне какую-то воздушность и лёгкость. Серебристо-пепельные кудри мягко обрамляли лицо, контрастируя с нежной голубизной ткани, и я вдруг подумала: а ведь я красивая. Настоящая. Не та кукла, которую наряжали служанки в поместье Рейвенвуд, а живая, настоящая женщина, у которой есть будущее.

Я вышла из примерочной и остановилась перед Тео. Он поднял на меня взгляд — и замер.

Я видела, как его глаза пробежали по платью, по моим волосам, по моему лицу. И в них мелькнуло что-то тёплое, что-то, что я почти забыла. Что-то, что когда-то заставило меня влюбиться в него.

— Айрис... — тихо сказал он, и голос его чуть дрогнул. — Ты... ты невероятно красивая.

И я поверила ему. Не потому, что хотела верить. А потому, что в этот момент, глядя на него, я сама чувствовала себя красивой.

Конечно же, мы купили это платье. Я ещё раз взглянула на себя в зеркало, поймала отражение улыбки Тео за спиной и подумала: это стоит каждой монеты. Я даже не стала снимать его — пусть будет на мне.

Мне понравилось ещё несколько платьев. Тёплое шерстяное — на прохладные вечера, серое в мелкий цветочек — на каждый день, тёмно-зелёное, почти лесное, которое так шло к моим глазам. Я подержала их в руках, представила, как буду носить, и аккуратно повесила обратно.

— Не хочешь взять ещё? — тихо спросил Тео, заметив, как я задержалась возле них.

Я покачала головой и улыбнулась.

— Куплю их тогда, когда в этом магазине не будет столько высокомерия.

Тео хмыкнул, едва сдерживая улыбку, и ничего не сказал. Но я видела — он меня понял.

Мы подошли к стойке расплачиваться. Хозяйка уже не смотрела на нас с прежней колкостью — скорее с любопытством, смешанным с лёгким недоумением. Она протянула руку за монетами, и я, отсчитав нужную сумму, положила сверху ещё пару мелких монет.

— Это вам, — сказала я спокойно. — На чай.

Она подняла на меня глаза, и в них мелькнуло что-то — то ли удивление, то ли лёгкий стыд. Я не стала ждать её ответа. Просто взяла Тео под руку, чувствуя, как его ладонь накрывает мои пальцы, и мы вышли из лавки.

Осадок после разговора с продавщицей всё же остался. Где-то под рёбрами, там, где раньше пряталась неуверенность. Но он был не таким острым, как раньше. Теперь я знала, что могу ответить. Что могу защитить себя. И что рядом со мной есть тот, кто не даст мне упасть.

Прямо из этой лавки мы прошли в лавку напротив. Вещи там были такими же красивыми и ничем не уступали тем, что мы видели до этого. Такие же светлые, такие же мягкие, такие же живые. Но здесь было иначе — здесь не чувствовалось холода.

Нас встретила милая добродушная хозяйка. Женщина лет сорока, с тёплыми карими глазами и мягкой улыбкой, которая появлялась на лице прежде, чем она успевала сказать хоть слово. Её руки, чуть шершавые, лежали на прилавке, и в них чувствовалась та самая уютная простота, которой так не хватало в лавке напротив.

— Доброе утро, милые, — сказала она, и в голосе её не было ни капли притворства. — Что ищете? Помочь?

Я растерялась на мгновение, не привыкнув к такой теплоте после холодной любезности продавщицы напротив. Но Тео шагнул вперёд:

— Моей спутнице нужны платья. Несколько. На разное время года.

Хозяйка перевела взгляд на меня, на мой округлившийся живот, и её улыбка стала ещё мягче.

— Сейчас подберём что-нибудь удобное, — сказала она, и в её голосе не было ни оценки, ни осуждения. Только забота. — У меня есть несколько моделей свободного кроя, они хорошо садятся и не стесняют движений. Проходите, я покажу.

И я пошла за ней, чувствуя, как внутри постепенно отпускает та напряжённая пружина, которая сжалась в лавке напротив. Здесь было тепло. Здесь было уютно. Здесь пахло сушёной лавандой и деревом. Здесь я могла дышать.

После того как мы с ней выбрали множество платьев — лёгких, тёплых, на каждый день и на выход, — я наконец решилась.

— Могу ли я примерить брюки? — спросила я, чувствуя, как внутри поднимается лёгкая робость.

Хозяйка задумчиво улыбнулась — не насмешливо, а с искренним любопытством, будто я спросила о чём-то совершенно естественном и при этом неожиданном.

— Брюки? — переспросила она, и в голосе её послышалось тепло. — Конечно! Кто вам может что-то запретить?

Она наклонилась ко мне поближе и почти шёпотом добавила:

— Я тоже люблю носить брюки. Удобно же, правда? Особенно когда дел по дому много, а платье всё время путается под ногами.

Я невольно улыбнулась. В этой простой фразе, сказанной шёпотом, было столько тепла и понимания, что я вдруг почувствовала себя не чужой, а своей. Будто мы встретились не в лавке, а на кухне за чашкой чая.

Она подмигнула мне и жестом пригласила следовать за ней.

— Пойдёмте, у меня есть отличные. Шьёт их моя знакомая портниха — она тоже считает, что женщина имеет право выбирать, во что одеваться. И знаете, они сидят лучше любых юбок.

— Брюки для женщин, конечно, не запрещены, — сказала хозяйка, хитро прищурившись, — но знаете, мужчины любят делать преждевременные выводы о женщинах в брюках. Им сразу кажется, что это какая-то униформа. Особенно если женщина идёт уверенно, а не семенит в оборочках.

Она хихикнула — искренне, по-дружески, словно мы давно знакомы, — и протянула мне несколько пар брюк. Свободных, на мягких завязках, из натурального льна — тёплого, приятного на ощупь. Они выглядели не как нечто вызывающее, а как сама свобода, которую я так долго искала.

— В вашем положении это вообще будет очень удобно, — добавила она, кивнув на мой живот. — Пояс регулируется, ничего не давит. И выглядит женственно. Сами увидите.

Я взяла брюки в руки и почувствовала, как внутри разливается благодарность.

— Спасибо, — сказала я, и это слово прозвучало искреннее, чем все прежние.

Хозяйка улыбнулась:

— Идите, примерьте. Я пока подберу к ним пару рубашек. У меня есть одна — льняная, светло-серая. К вашим глазам. И к брюкам подойдёт.

В общем, вышли мы с Тео оттуда только часа через два. Когда солнце уже давно перевалило за полдень и рынок начал потихоньку затихать.

Тео нёс в руках две большие корзины со свёртками. В одной — платья: лёгкие, тёплые, нарядные и повседневные. В другой — брюки, рубашки, две пары мягких туфель и ещё несколько вещей, которые хозяйка уговорила меня взять «на вырост» — для живота и для души. Она оказалась права — мы вышли от неё не просто с покупками, а с лёгкостью.

Я шла рядом, придерживая подол нового голубого платья, и чувствовала, как улыбка сама собой расплывается на лице. Впервые за долгое время я не пряталась. Не сжималась. Не боялась, что кто-то увидит меня настоящую.

Тео искоса посмотрел на меня и усмехнулся:

— Ты довольна?

— Очень, — ответила я, и это было правдой. — Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что не сказал, что я слишком много купила.

Он тихо рассмеялся — тем самым тёплым, редким смехом, который я почти забыла.

— После того, как я увидел тебя в том голубом платье, я готов был купить тебе всю лавку. Так что две корзины — это ещё сдержанно.

Я толкнула его плечом, и он улыбнулся в ответ. В его глазах больше не было той боли, что пряталась всё это время. Только усталость, смешанная с чем-то тёплым.

По дороге к повозке нам встретила лавка с детской одеждой.

— Давай зайдём, — сказала я, прежде чем подумать, и нырнула в лавку.

Тео ничего не оставалось, как последовать за мной.

Внутри лавки было очень много разных вещей. Чего здесь только не было: распашонки, чепчики, пинетки, одеяльца — всё такое крошечное, такое трогательное, что сердце сжималось от нежности. Я всё рассматривала, перебирала мягкие ткани, вдыхала запах нового белья и чувствовала, как внутри разливается тепло. Мне нравилось всё. Каждая вещица казалась маленьким чудом, которое я могла подарить своим детям.

И тут я увидела две кровати. Они стояли в углу, рядом с витриной, и были такие красивые — светлое дерево, резные спинки, лёгкий балдахин из полупрозрачной ткани. Одна — с небесно-голубым балдахином, другая — с нежно-розовым. И я сразу поняла: одна для дочки, другая для сына.

— Тео, ты только посмотри на эту красоту, — выдохнула я, подходя ближе. — Одна для дочки, другая для сына. Представляешь, они будут спать рядом...

Я обернулась, улыбаясь, и только сейчас заметила выражение его лица.

Тео стоял, сжимая корзинки в руках так сильно, что костяшки побелели. Его лицо было напряжённым, челюсть сжата, а в глазах появился тот самый стальной блеск, который я так боялась увидеть снова. Он смотрел на кровати, но видел не их — он видел что-то другое. То, что пряталось за ними.

Он произнёс сквозь зубы, тихо, но в голосе его звенел холод:

— Айрис... не надо.

Я замерла, чувствуя, как улыбка медленно сползает с моего лица.

— Что значит «не надо»?

Он перевёл взгляд на меня, и в нём мелькнула боль, которую он пытался скрыть.

— Мы не будем... покупать ему кровать. Не здесь. Не сейчас. — Голос его дрогнул, но он заставил себя говорить ровно. — Я не могу.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри, где только что было тепло, разрастается холодная пустота. Я хотела сказать что-то, но слова застряли в горле.

Тео развернулся и вышел из лавки. Быстро. Резко. Даже не оглянувшись.

Я поспешила за ним, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а внутри поднимается липкий страх. Он шёл так быстро, что я едва поспевала за ним, придерживая подол нового платья, спотыкаясь о неровные камни мостовой.

— Тео! — окликнула я, но он не остановился.

Я почти бежала, чувствуя, как воздух обжигает лёгкие, как живот тянет от резких движений. Мне удалось догнать его только у самой повозки. Я схватила его за рукав, заставляя обернуться.

— Тео, остановись!

Он замер, но не обернулся. Я видела, как напряжены его плечи, как сжаты кулаки, как он тяжело дышит, пытаясь справиться с тем, что кипело внутри.

— Пожалуйста, — сказала я тихо, чувствуя, как голос дрожит. — Поговори со мной. Не уходи в молчание. Пожалуйста.

— Не сейчас, Айрис.

Его голос был глухим, чужим. Я смотрела на его спину, на сжатые кулаки, на то, как он не оборачивается, и понимала — на этом разговор закончен. Бессмысленно было продолжать, бессмысленно было пытаться пробиться сквозь стену, которую он снова возвёл между нами. Я просто стояла и смотрела, как он закидывает все вещи в повозку — резко, почти грубо, не глядя на меня. А потом подошёл, помог мне сесть — аккуратно, но молча, даже не встретившись взглядом.

Всю дорогу домой мы ехали молча. Ни слова. Ни взгляда. Только стук копыт, скрип колёс и ветер, который трепал мои волосы. Фен сидел у меня на коленях и молчал — он чувствовал, что сейчас не время для слов.

Я знала, что он не злится на меня. Он злится на себя. На то, что не может принять мальчика. На то, что внутри него самого борется что-то тёмное, что он не может контролировать. Но от этого знания легче не становилось.

Дом встретил нас тишиной. Тео молча выгрузил вещи, занёс их в дом и ушёл в сад, сказав, что хочет начать ремонт крыльца. Я осталась одна посреди гостиной, с корзинами покупок, с голубым платьем, которое уже не приносило радости, и с чувством, что между нами снова выросла стена. Та самая, которую я так надеялась разрушить.

Глава 2. «Вместе.»

Оставшись одна в доме, я решила переодеться. Сняла голубое платье — оно всё ещё висело на мне, но теперь казалось чужим, будто радость, которую оно принесло, ушла вместе с Тео. Я надела брюки и рубашку. Свободные, удобные, почти домашние. Закатала рукава до локтей, чувствуя, как прохладный воздух касается кожи, и спустилась вниз на кухню.

Здесь пахло деревом и пылью — дом долго ждал хозяев. Я принялась разбирать продукты, раскладывая их по полкам, перебирая крупы и заворачивая зелень во влажную ткань. Движения помогали успокоиться. Я старалась не думать о том, как захлопнулась дверь, о том, как Тео ушёл в сад, не обернувшись. Я просто делала то, что могла.

Зайдя в кладовую, я поняла, что там негде было хранить мясо. Ни погреба, ни ледника — только пустые полки и запах сухой древесины. Я постояла в нерешительности, чувствуя, как внутри поднимается лёгкое раздражение. Ну конечно. Дом, который мы выбрали, был прекрасен почти во всём, но даже не подумали о том, что нам понадобится хранить продукты.

Немного поразмыслив, я подняла руки и обратилась к стихии воды. Я представила прохладу, лёгкий холод, который окутывает пространство, сохраняя свежесть. Влага в воздухе откликнулась почти мгновенно — тёплая, послушная, готовая принять мою волю. Я направила её в угол кладовой, создавая холодильную камеру. Сначала лёгкий холод, потом плотный, почти осязаемый. Воздух стал влажным и прохладным. Я довольно улыбнулась.

Фен сидел на пороге кладовой и внимательно наблюдал за мной. Когда я закончила, он произнёс:

— «Айрис, только не пугайся, но... это не твоя магия».

Я замерла. Холод в кладовой вдруг показался мне ледяным.

— Как это не моя? — переспросила я, оборачиваясь к нему. — Я только что создала её. Я чувствовала, как вода откликается.

— «Ты создала её, — согласился Фен, и в голосе его послышалась странная осторожность. — Но это не твоя сила. Не та, что была раньше. Она... холоднее. Глубже. Я чувствую в ней что-то чужое».

Я опустила руки и посмотрела на свои ладони. Они выглядели точно так же, как всегда. Но внутри, где-то под рёбрами, я вдруг почувствовала странную пустоту. Будто что-то изменилось. Будто магия, которой я пользовалась, больше не была полностью моей.

— Что это значит? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

И тут в животе раздался толчок. Отчётливый, живой. А следом по нему прошла прохладная волна — не та ледяная, что пугала меня раньше, а мягкая, почти нежная. Будто кто-то внутри меня коснулся моей души кончиками пальцев и сказал: «Я здесь. Не бойся».

Я опустила ладонь на живот и почувствовала, как тепло возвращается.

— Похоже, это сын мне помог, — сказала я тихо, и голос мой дрогнул от неожиданной нежности. — Он чувствует, что я волнуюсь. И пытается успокоить.

Фен подошёл ближе и положил голову мне на колени.

— «Похоже, он не такой, как все боялись», — тихо произнёс он, и в голосе его послышалась робкая надежда.

Я погладила его по голове, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое и уютное. Страх ещё оставался, но теперь он был не таким острым. Рядом с ним появилась надежда.

— Пойдём готовить, — сказала я, стараясь улыбнуться. — Точнее, попробуем что-то сделать на ужин. Если получится — будем считать это нашим первым семейным ужином в новом доме.

Я поднялась, чувствуя, как лёгкая тяжесть в животе напоминает о себе, но теперь это было приятное напоминание. Я была не одна. Мой сын был со мной. И дочь — она молчала, но я чувствовала её присутствие, тёплое и спокойное, как утреннее солнце.

Я подошла к столу, достала продукты и принялась за готовку. Фен устроился на подоконнике, наблюдая за мной с мудрым, чуть снисходительным видом. А я чувствовала, как внутри, несмотря на всё, что случилось, медленно прорастает что-то новое. Что-то, что я так долго искала.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая кухню в тёплые золотистые оттенки. А у меня на кухне был полный хаос.

Ничего не получалось. Всё, за что я бралась, шло наперекосяк. Картошка, которую я пыталась нарезать, разлетелась по всей столешнице. Мясо, которое я поставила тушиться, начало подгорать, едва я отвернулась. Масло на сковороде стреляло, как разъярённый зверь. Казалось, сами продукты пошли на меня в атаку. И этот бой я явно проигрывала.

— «Айрис, — раздался в голове голос Фена, и в нём звучала плохо скрываемая усмешка. — Ты уверена, что не хочешь просто позвать Роджера и попросить его привезти нам готовый ужин?»

— Фен, помолчи, — пробормотала я, пытаюсь одновременно помешать суп и не дать сгореть мясу. — Я справлюсь. Я просто... ещё не привыкла.

— «Ты уже двадцать минут пытаешься нарезать лук, — заметил он. — И до сих пор не нарезала. Ты плачешь не от лука, Айрис. Ты плачешь, потому что устала и хочешь есть».

Я замерла на мгновение, прислушиваясь к себе, и поняла: он прав. Я действительно устала. И голодна. И зла на саму себя за то, что не могу сделать даже такое простое дело, как приготовить ужин.

— Ладно, — сдалась я. — Может, просто сделаю лепёшки? Мука есть, вода есть. Лепёшки невозможно испортить.

Фен ничего не ответил. Но я чувствовала, как он тихо смеётся надо мной.

Я решительно достала муку, взяла миску и принялась за дело. Я уже почти успокоилась, когда в тот момент, когда я насыпала муку в миску, моя рука дрогнула, миска выскользнула из пальцев и опрокинулась. Белое облако муки взметнулось в воздух, оседая на мне, на столе, на полу, на всём, до чего могло достать.

Я стояла посреди кухни, вся в муке, с чувством полного и абсолютного поражения, и смотрела на свой кулинарный крах.

И тут я услышала тихий смешок сзади.

Я медленно обернулась. В дверях стоял Тео. В руках он держал какие-то доски и инструменты, видимо, так и не закончив ремонт. На его лице было странное выражение — смесь удивления, неловкости и чего-то тёплого, что я почти забыла. Он смотрел на меня — растрёпанную, в муке, с прилипшими к лицу волосами — и уголки его губ дрожали от едва сдерживаемого смеха.

Я виновато ему улыбнулась и развела руками, чувствуя, как мука тонкой пылью осыпается с моих ладоней.

— Похоже, готовить я не умею, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал легко, хотя внутри всё ещё было немного стыдно. — И теперь мы умрём от голода.

Тео засмеялся в голос. Его смех был таким искренним и добрым, что у меня на душе потеплело. Он отставил доски и инструменты в сторону и подошёл ближе. Его рука мягко коснулась моего лица, убирая прядь волос, к которой прилипла мука.

— Айрис, иди приведи себя в порядок, — сказал он, и в голосе его не было ни упрёка, ни насмешки — только что-то тёплое, почти нежное. — А я тут уберусь и сделаю нам что смогу на ужин.

Я удивлённо посмотрела на него:

— Ты умеешь готовить?

Тео усмехнулся, и в его глазах мелькнули те самые смешинки, которые я так любила:

— Я, конечно, не мастер, но яйца пожарить смогу. И хлеб нарезать. Так что умирать с голоду нам сегодня не придётся.

Он взял меня за плечи и мягко развернул к выходу из кухни:

— Иди. И захвати с собой кота. А то он только мешается под ногами.

Фен, услышав это, возмущённо фыркнул, но послушно спрыгнул с подоконника и направился к лестнице, бросив на меня красноречивый взгляд: «Идём, раз уж нас выгоняют».

Я поднялась наверх, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое и уютное. Смех Тео, его прикосновение, его голос — всё это было таким знакомым и таким родным, что я почти забыла о той стене, что выросла между нами всего несколько часов назад. Почти.

Я зашла в комнату, сняла испачканную мукой одежду и умылась. Фен устроился на кровати и, прикрыв глаза, заметил:

— «Кажется, он пытается наладить мост между вами. Или просто боится, что ты его отравишь, если продолжать готовить».

Я фыркнула, вытирая лицо полотенцем:

— Фен, я тебя сейчас выгоню.

— «Ты не выгонишь. Ты меня любишь».

Я улыбнулась, глядя на него в зеркало, и почувствовала, как внутри становится легче.

Переодевшись, я спустилась вниз. Тео уже закончил уборку — кухня сияла чистотой, ни следа от моего кулинарного краха не осталось. На плите что-то жарилось на сковороде, распространяя по дому аппетитный запах яиц и масла.

Он обернулся на звук моих шагов и, заметив меня, улыбнулся:

— Ещё пара минут, и всё будет готово. Можешь накрывать на стол. Только, — он усмехнулся, — не воткни куда-нибудь вилку.

Я фыркнула, уперев руки в боки:

— Ты думаешь, я настолько не хозяйственная, что даже стол не смогу накрыть?

Тео поднял руки в примирительном жесте, но в глазах его плясали смешинки:

— Прости, Айрис, я просто пошутил. Ты у меня всё можешь.

Я прищурилась, но удержать улыбку не смогла:

— То-то же!

Я взяла тарелки, столовые приборы и принялась накрывать на стол. Старалась делать это аккуратно, но чувствовала на себе его взгляд — тёплый, наблюдательный. Когда я закончила, Тео подошёл и поставил в центр стола сковороду с золотистой, румяной яичницей. Просто, но аппетитно. И в этом было что-то очень домашнее, очень правильное.

Мы сели друг напротив друга. Впервые за весь день между нами не было той тягучей, давящей тишины. Только уют, тепло и лёгкое смущение, будто мы снова встретились в первый раз.

— Выглядит вкусно, — сказала я, беря вилку.

— Спасибо, — ответил он, и в голосе его послышалась лёгкая гордость. Фен, устроившийся на подоконнике, лениво приоткрыл один глаз:

— «Скажи ему, что в следующий раз будешь готовить ты. Иначе он решит, что ты совсем беспомощная».

Я мысленно фыркнула, но промолчала. Пусть этот вечер будет тёплым. Пусть мы просто будем рядом. Хотя бы сегодня.

После ужина я вышла на улицу с чашкой чая. Вечер был тёплым, почти летним — небо уже начало розоветь, а где-то в лесу заливался соловей. Я села на ступеньку крыльца, прижав ладони к тёплой керамике, и вдохнула прохладный воздух. За моей спиной скрипнула дверь — Тео вышел следом, держа свою кружку.

Мы сидели рядом, молча глядя, как солнце медленно опускается за верхушки деревьев, окрашивая небо в тёплые персиковые и розовые оттенки. И в этой тишине не было той тяжести, что утром. Только спокойствие. И уют.

Мне казалось, что инцидент в городе случился в другой жизни. Такой далёкий, такой чужой.

— Тео? — позвала я, не отрывая взгляда от заката.

— М-м? — отозвался он, тоже глядя вдаль.

Я помолчала, чувствуя, как внутри поднимается что-то лёгкое и почти детское.

— Я хочу качели, — сказала я. — Может, купим?

Тео повернулся ко мне. В его глазах мелькнуло удивление, а затем — тепло, которое я так любила.

— Я могу сделать их сам, — ответил он просто, будто это было самым естественным делом в мире.

— Правда? — я повернулась к нему, чувствуя, как на губах появляется улыбка.

— Правда, — кивнул он. — Досок у нас полно. Найду крепёж. И сделаю.

— Это будет чудесно! — выдохнула я, и в голосе моём послышалось настоящее, почти забытое счастье. — Диван-качели. Чтобы можно было сидеть вдвоём, смотреть на сад и качаться.

Тео улыбнулся, и я увидела, как его лицо становится мягче, светлее.

— Тогда завтра начну, — сказал он. — Если захочешь, поможешь.

— Конечно, хочу, — ответила я, чувствуя, как внутри разливается тепло. — Хочу посмотреть, как работает сэр Теориан Ашер с деревом. Может, даже подержу доски.

Он усмехнулся, и в этот вечер, сидя на крыльце и глядя на закат, я впервые за долгое время почувствовала, что всё будет хорошо. Возможно, не сразу. Возможно, не так, как мы планировали. Но — хорошо.

Чай давно остыл, но уходить не хотелось — было слишком хорошо. Слишком спокойно. Когда на небе начали зажигаться первые звёзды, я сказала:

— Наверное, пора спать, — чувствуя, как усталость мягко наваливается на плечи.

Тео кивнул и поднялся, протягивая мне руку. Я взяла её, чувствуя, как его пальцы сжимают мои, и мы вместе вошли в дом.

На кухне было чисто и тихо, лишь слабый свет ночника мерцал на стене. Мы поднялись наверх. Я прошла в ванную, открыла кран и плеснула в лицо прохладной водой. Тео зашёл следом и встал у двери, ожидая. Неловкость, что была между нами весь день, почти исчезла, но в воздухе всё ещё витало что-то — то ли ожидание, то ли невысказанное.

Я переоделась в ночную рубашку, чувствуя, как он смотрит на меня, и улыбнулась ему. Он мягко улыбнулся в ответ, и я почувствовала, как внутри разливается тепло.

Мы легли в кровать — впервые за долгое время по-настоящему вместе. Фен тут же запрыгнул на кровать, покружился на месте и устроился у моей ноги, свернувшись тёплым клубком.

Тео повернулся ко мне и тихо, чуть хриловато после долгого дня, произнёс:

— Спокойной ночи, Айрис.

Я улыбнулась, чувствуя, как его рука находит мою под одеялом, и мягко сжимает.

— Спокойной ночи, Тео.

Он обнял меня. Медленно, осторожно, словно проверяя, не исчезну ли я, если он сожмёт слишком сильно. Я прижалась к нему, чувствуя тепло его тела, его дыхание на своей макушке. Впервые за долгое время я чувствовала себя в безопасности. И, закрыв глаза, я провалилась в глубокий, спокойный сон.

Утром я проснулась от того, что солнце светило прямо в лицо. Я потянулась, чувствуя, как внутри разливается непривычное спокойствие, и улыбнулась.

Я перевернулась на бок, протягивая руку туда, где ночью лежал Тео.

Пусто.

Я открыла глаза и приподнялась на локте. Его половина кровати была пуста. Подушка сохранила едва заметную вмятину, а простыня уже успела остыть. Я провела по ней рукой, чувствуя, как внутри поднимается лёгкое удивление.

— Тео? — позвала я негромко, прислушиваясь.

Тишина. Только утренний свет, заливающий комнату, и редкое пение птиц за окном.

Фен, который всю ночь спал у моей ноги, тоже исчез.

Я опустила ноги на пол и прислушалась. Где-то внизу, со стороны кухни, доносился приглушённый звук. Я накинула халат и, чувствуя любопытство, вышла из комнаты.

Глава 3. «Утро надежды».

Я спустилась вниз босиком, чувствуя прохладу ступеней под ногами. В доме пахло чем-то знакомым и уютным — свежим хлебом, жареной яичницей и ранним утром. На кухне что-то шипело на плите, и, заглянув за угол, я увидела Тео. Он стоял у плиты в одних брюках и фартуке, сосредоточенно помешивая что-то на сковороде.

— Доброе утро, — сказала я, и он обернулся.

— Доброе, — отозвался он. — Я подумал, что раз вчера ты не смогла нас накормить, сегодня моя очередь.

Я подошла ближе и заглянула на сковороду.

Яичница.

Снова яичница.

Но пахло так аппетитно, что я даже не стала шутить.

Фен уже сидел на подоконнике и, глядя на нас, лениво произнёс мысленно:

— «С такими кулинарами, как вы, кроме жареных яиц нам ничего не светит. Если Тео не научится готовить что-нибудь ещё, а ты — хотя бы не сжигать воду, мы обречены».

Я фыркнула, стараясь не рассмеяться вслух.

— Что? — Тео удивлённо поднял бровь.

— Ничего, — ответила я, беря тарелки. — Просто Фен сказал, что нам стоит нанять кухарку.

Тео усмехнулся и, перевернув яичницу, ответил:

— Может, он и прав. Но пока кухарка не нашлась, мы будем есть то, что умеем готовить.

Он поставил сковороду на стол, и мы сели завтракать. За окном пели птицы, солнце золотило сад, а я чувствовала, как внутри — медленно, но уверенно — прорастает спокойствие.

Мы были вместе. Мы были дома. И это казалось самым важным.

— Айрис, ты поедешь со мной в город или останешься дома? — спросил Тео, убирая пустую тарелку. — Не хочу утомлять тебя дорогой. Мне ещё надо будет зайти прикупить материалы для качелей.

— Тео, конечно, поеду, — ответила я, чувствуя, как внутри разливается тепло от одной мысли, что мы снова будем вместе. — Я бы обязательно зашла с тобой к Роджеру и ещё про-

шла по магазинам. Пополнила бы запасы продуктов, которые вчера были безвозвратно утрачены. Не волнуйся, дорога меня не утомит.

Тео внимательно посмотрел на меня, будто проверяя, не говорю ли я это только для того, чтобы его успокоить. Я встретила его взгляд и кивнула. Кажется, он поверил.

— Хорошо, — кивнул он. — Тогда допивай и одевайся. Я пока запрягу лошадь.

Он снял фартук и вышел из кухни, а я осталась допивать чай, чувствуя, как внутри поднимается лёгкое волнение.

Снова город. Снова люди.

Но теперь рядом со мной был Тео, и это делало всё проще.

Фен спрыгнул с подоконника и подошёл ко мне.

— «Я с вами. На случай, если ты снова решишь купить что-нибудь, что не сможешь донести».

Я усмехнулась и погладила его по голове.

— Договорились.

Доехав до города, мы первым делом направились к Роджеру. Как только он увидел меня, сразу заключил в объятия — крепко, по-родственному, будто мы не виделись не день, а целую вечность.

— Девочка моя, я уже так соскучился по тебе, — сказал он, отстраняясь и заглядывая мне в глаза. — Надеюсь, у вас всё хорошо? Как малыши?

Я сделала расстроенный вид, опустила глаза и тяжело вздохнула.

— Роджер, у нас серьёзная проблема.

Он мгновенно изменился в лице — настороженность, тревога, готовность броситься на помощь.

— Мы совершенно не умеем готовить, — выпалила я и в следующий миг не выдержала, рассмеявшись.

Тео хихикнул и махнул рукой.

— Айрис, говори за себя.

— Ну ладно... ладно, — сдалась я. — Только благодаря Тео мы за это время уже съели десяток яиц. Если бы не он, я бы, наверное, пыталась сварить суп из муки.

Роджер рассмеялся — громко, искренне, с облегчением.

— Айрис, ну ты и шутишь! — выдохнул он, прижимая руку к груди. — Я уже так испугался, что у вас что-то случилось. Пойдём в дом, я накормлю вас. У меня как раз есть свежий пирог с мясом.

Мы прошли в лавку Роджера и направились в гостиную. Роджер засуетился, накрывая на стол, а мы с Тео устроились на диване, продолжая подшучивать друг над другом по поводу моих кулинарных способностей.

— Я, между прочим, ещё не пробовала твой суп, — сказала я, глядя на Тео.

— А я и не говорил, что умею варить суп, — парировал он, разводя руками. — Я умею жарить яйца. И это уже победа.

Роджер, услышав наш разговор, покачал головой.

— Ну всё, я понял. В ближайшее время я найду вам кухарку. Иначе вы умрёте от голода.

Мы плотно поели у Роджера. Пирог с мясом оказался именно тем, что нам было нужно — сытным, домашним, с хрустящей корочкой и ароматом трав. Роджер, как всегда, суетился, подкладывая добавку и подливая чай, пока я наконец не отодвинула тарелку, чувствуя, что больше не могу.

За чаем мы обсудили с ним пару важных вещей.

— Айрис, тебе надо сменить фамилию, — сказал он, ставя чашку на стол. — В данный момент ты всё ещё леди Рейвенвуд. Точнее, вдовствующая леди. И это имя не должно тянуться за тобой.

Я кивнула, чувствуя, как внутри поднимается облегчение.

Да, он был прав.

Это имя, которое я носила как оковы, должно было исчезнуть. Я не хотела иметь ничего общего с Рейвенвудами — ни с Лейном, ни с его прошлым, ни с тенью, которая до сих пор лежала на мне.

— Я согласна, — сказала я твёрдо. — Я хочу забыть всё, что связано с ними. Как можно скорее. Роджер, ты же глава рода Эвери. Сделай это за меня, пожалуйста.

Роджер серьёзно кивнул.

— Я займусь этим сегодня же. Через несколько дней ты будешь носить фамилию своего рода. Как и должна была с самого начала.

Весь наш разговор о Рейвенвудах Тео молчал. Я чувствовала его присутствие — тёплое, надёжное, но он не вмешивался и не задавал вопросов. Только при словах «леди Рейвенвуд» его челюсть немного напряглась, и я заметила, как он сильнее сжал чашку.

Но он промолчал.

И я была благодарна ему за это.

Распрощавшись с Роджером, мы отправились на рынок. Тео пошёл за материалами для качелей, а я с Феном — пополнить запасы продуктов. Я старалась выбрать то, что точно не смогу испортить: крупы, муку, масло, сушёные травы.

Но у одной из лавок я задержалась дольше, чем планировала.

Очень уж меня манила витрина с соленьями.

Банки с огурцами, помидорами, капустой стояли ровными рядами, поблёскивая на солнце. Я подошла ближе, рассматривая их, и даже не заметила, как продавец — мужчина в возрасте, полный, седой, с небольшой белой бородой — заметил меня и вышел из лавки.

— Добрый день, красавица, — сказал он приветливо. — Что-то ищете? Заходите внутрь, у меня есть такие соленья, что пальчики оближешь.

Я заколебалась на мгновение, но он уже распахнул дверь, приглашая меня войти.

Зайдя в лавку, я буквально почувствовала, как потекли слюнки. Всё выглядело таким аппетитным — банки с маринованными огурцами, помидоры в собственном соку, квашеная капуста с клюквой, грибочки, перчики...

Я замерла у прилавка, не зная, на чём остановить взгляд.

Продавец, заметив мой восторг, довольно усмехнулся и жестом пригласил меня ближе.

— Попробуйте, красавица, — сказал он, протягивая огурец. — Этот огурец — моя гордость. Хрустит так, что даже за соседней улицей слышно.

Я взяла предложенный огурец, откусила — и чуть не застонала от удовольствия.

Хрустящий, в меру солёный, с лёгкой кислинкой.

Он был идеальным.

— Боже, какой вкусный, — выдохнула я.

— А теперь попробуйте вот это.

Он протянул мне помидор, затем капусту, затем маринованный перец. Я пробовала всё и с каждым кусочком понимала: я пропала.

Всё было таким вкусным, что я сдалась без боя и набрала целую кучу всего — несколько банок огурцов, помидоров, капусту, грибы, солёные арбузы (я даже не знала, что такое бывает!) и ещё несколько баночек, которые просто невозможно было не взять.

За разговором мы познакомились. Продавца звали Самуэль, но для друзей — просто дедушка Сэм. Он оказался удивительно тёплым и гостеприимным. Рассказывал о своих рецептах, о том, как солил огурцы ещё при отце, и я слушала его с таким же удовольствием, с каким пробовала его соленья.

А ещё у него в лавке были не только соленья, но и овощи с фруктами. Он, махнув рукой на мои возражения, положил мне в корзину килограмм наивкуснейших персиков — просто так, «потому что вы мне понравились, красавица».

Я расплатилась с ним, чувствуя, что уйти отсюда без всего этого богатства было бы преступлением.

Но когда я попыталась поднять корзину и сумки, то поняла: я точно не донесу всё это до повозки. Руки отказывались слушаться, а покупок оказалось столько, что я даже не представляла, как с ними справлюсь.

Дедушка Сэм, заметив мои мучения, усмехнулся.

— Не проблема, красавица. Я сейчас всё решу.

Он скрылся за дверью, ведущей внутрь лавки, и через пару минут вернулся с девушкой.

Она была примерно моего возраста — складная фигура, светлые длинные медовые волосы, приятное лицо с мягкими чертами, тёмно-серые глаза и приветливое выражение лица.

— Это моя племянница, Нора, — представил её дедушка Сэм. — Она поможет вам донести покупки.

Я замахала руками.

— Ой, что вы, я не хочу никого затруднять!

— Что вы, — ответила Нора, и голос у неё оказался таким же приятным, как и внешность — мягким, мелодичным. — Мне совершенно не сложно. Даже в радость.

Она легко взялась за тележку и начала складывать туда мои покупки.

— Куда идём?

— К повозке, — ответила я, чувствуя, как внутри разливается благодарность. — Спасибо вам огромное.

— Не за что, — легко ответила она. — Дедушка Сэм всегда говорит, что хороших людей надо встречать с добром. А вы, я вижу, хороший человек.

Мы двинулись к повозке, и я чувствовала, как на душе становится легко.

Простая встреча с добрыми людьми, вкусная еда, солнечный день — и всё это казалось таким правильным. Таким настоящим.

Мы шли до повозки, и я решила спросить Нору, вдруг она знает кого-нибудь, кто ищет работу кухаркой.

— Нора, вы случайно не знаете, может быть, кто-то ищет работу? Нам с мужем нужна помощница по дому. Я, честно говоря, в готовке совсем не сильна, а он... ну, он умеет жарить яйца, и на этом его таланты заканчиваются.

Нора чуть заметно оживилась.

— Я вообще не местная, — сказала она, останавливаясь и отпуская ручки тележки. — Я только недавно приехала к дяде. И, кстати, как раз ищу работу.

Она замялась на мгновение, словно собираясь с духом.

— Я хорошо готовлю. И ещё могу убираться и помогать по дому. У вас, судя по покупкам, дом немаленький. Одной справляться тяжело.

Я на минуту задумалась. Нора казалась совсем молодой для такой работы, но в её словах не было ничего странного.

Фен, шедший рядом, посмотрел на меня и тихо произнёс мысленно:

— «Это тебе решать, Айрис. Но она кажется искренней».

Я посмотрела на Нору. В её тёмно-серых глазах не было хитрости. Только лёгкая надежда и желание быть полезной.

— Нора, — спросила я осторожно, — вы правда хотите работать кухаркой? Вы такая молодая...

Нора опустила взгляд на мгновение, а потом снова посмотрела на меня.

— Ну знаете, это всё лучше, чем сидеть у дяди на шее, — сказала она. — Я не хочу обременять его. Моя мама умерла, и мне пришлось переехать к нему. Он добрый, но у него своя жизнь, свои заботы.

Я помолчала, глядя на неё. В её словах чувствовались искренность и желание начать новую жизнь. А ещё — лёгкая грусть, которую она старалась не показывать.

Это тронуло меня.

— Хорошо, — сказала я. — Давайте попробуем. Если вы действительно хотите, мы возьмём вас на испытательный срок.

Лицо Норы озарилось такой искренней, почти детской радостью, что я невольно ответила ей тем же выражением.

— Спасибо! — выдохнула она. — Я готова приступить хоть сегодня! Мне нужно только собрать свои вещи.

— Тогда договорились, — сказала я. — Сегодня вечером мы ждём вас.

Нора кивнула, и я увидела, как её плечи слегка расслабились, будто с них свалился тяжёлый груз.

Мы подошли к повозке. Тео уже стоял рядом, загружая доски и инструменты. Увидев нас, он удивлённо поднял бровь, но ничего не сказал, только вопросительно посмотрел на меня.

— Познакомься, Тео, — сказала я. — Это Нора. Она будет нашей кухаркой. Сегодня она приедет к нам.

Тео перевёл взгляд с меня на Нору, затем снова на меня.

— Ну что ж, — сказал он, протягивая ей руку. — Тогда добро пожаловать в наш дом, Нора.

Тео объяснил Норе, как добраться до нашего дома. Она внимательно слушала, кивая, потом поблагодарила и пошла обратно в лавку к дяде — собрать вещи, пообещав, что вечером уже будет у нас.

Как только Нора скрылась за углом, Тео посмотрел на меня и сказал:

— Теперь надо сообщить Роджеру, что нам больше не нужна кухарка.

— Я напишу ему записку, а Фен отнесёт, — ответила я, глядя на кота, который сидел рядом и внимательно слушал. — Правда, Фен?

Он мяукнул в ответ.

Мы нашли у Тео в повозке клочок бумаги и огрызок карандаша. Я быстро набросала несколько строк:

«Роджер, кухарка уже найдена. Спасибо за заботу. Приезжай в гости. Айрис».

Свернула записку и протянула Фену.

— Держи. Быстро доставишь?

Фен взял записку зубами, выразительно посмотрел на меня и сорвался с места, исчезая за ближайшим поворотом.

Тео посмотрел ему вслед, потом перевёл взгляд на меня.

— Меня всегда так забавляет, как ты общаешься с Феном, — сказал он, помогая мне забраться в повозку — осторожно поддерживая под локоть, чтобы я не напрягалась. — Окружающие, не зная вас, могут подумать, что ты...

— Сумасшедшая? — закончила я за него и рассмеялась. — Знаешь, Тео, ты прав.

Он устроился рядом, взял поводья, и лошадь тронулась.

— А давай не будем говорить Норе, что Фен — магическое животное? — предложила я, чувствуя, как внутри поднимается озорство.

Тео уже вовсю хихикал, трясая головой.

— Айрис, ты хочешь, чтобы она думала, что ты не в себе?

— По-моему, это забавно, — пожала я плечами, стараясь сохранить серьёзное лицо.

— Хорошо, хорошо, — Тео поднял руки в примирительном жесте, но смешинки в его глазах никуда не исчезли. — Будем считать, что у тебя просто очень умный кот. И не будем её пугать.

— Вот и договорились, — довольно сказала я.

Мы покатали по дороге домой. Я чувствовала, как внутри разливается лёгкость. Солнце, ветер, разговор с Тео, который снова стал лёгким и тёплым, — всё это было таким правильным. Таким настоящим.

Доехав до дома, я сразу пошла в дом и тут же начала прибираться. Тео носил сумки из повозки и в какой-то момент остановился, глядя на меня.

— Айрис, что ты делаешь? — спросил он с лёгким недоумением.

— Как что? Убираюсь! — ответила я, энергично работая веником. — Нора приедет, а у нас тут грязно. Она подумает о нас невесть что!

Тео опустил сумки, подошёл ко мне и мягко, но настойчиво забрал у меня из рук веник.

— Какая разница, что она подумает? — сказал он, глядя на меня с лёгкой улыбкой. — Если ей нужна работа, она тебе ничего не скажет.

Я попыталась забрать веник обратно, но Тео вытянул руку в сторону, не давая мне его достать, а другой рукой обнял меня за талию.

Я замерла.

Впервые за всё это время мы оказались так близко друг к другу. Я чувствовала тепло его ладони, прижимавшей меня к себе, слышала, как бьётся его сердце — ровно, уверенно. По всему телу пробежали мурашки.

Мы замерли, глядя друг другу в глаза, будто боялись спугнуть этот миг.

Он медленно наклонился ко мне, я потянулась ему навстречу, чувствуя, как внутри всё замирает в ожидании...

И в этот момент на окно запрыгнул Фен.

Я подскочила от неожиданности, чуть не вскрикнув, и отпрянула от Тео. Сердце бешено колотилось — уже не от того волнения, а от испуга.

Фен сидел на подоконнике, держа в зубах записку, и смотрел на нас с видом полной невинности.

— «Я принёс ответ от Роджера», — мысленно произнёс он. — «Но, кажется, я помешал?»

Тео, всё ещё держа в руке веник, перевёл взгляд с меня на Фена, затем снова на меня, и на его лице появилась та самая тёплая, чуть смущённая улыбка, которая появлялась у него, когда он не знал, что сказать.

— Очень вовремя, — сказал он, глядя на кота, и в голосе его послышалось лёгкое сожаление.

Я смущённо улыбнулась, чувствуя, как горят щёки, и взяла себя в руки.

— Ну, — сказала я, стараясь говорить спокойно, — давай посмотрим, что пишет Роджер.

Я взяла записку у Фена, развернула её и прочитала вслух:

— «Айрис, рад, что ты нашла кухарку. Приеду к вам через пару дней, посмотрю, как вы устроились. Роджер».

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло. Роджер всегда был рядом, даже когда мы далеко.

Тео тем временем уже успел отойти к повозке за последними сумками, и я слышала, как он что-то напевает себе под нос. Я покачала головой и мысленно вернулась к Фену.

— Спасибо, что доставил, — сказала я коту, проводя рукой по его голове.

Тот довольно зажмурился и спрыгнул с подоконника, направляясь к миске, которую я уже поставила для него на кухне.

Тео снова вошёл в дом, оглядел комнату и, заметив, что я стою с запиской в руках, спросил:

— Ну что там?

— Роджер приедет через пару дней, — ответила я, кладя бумагу на стол. — Говорит, хочет посмотреть, как мы устроились.

— Ну что ж, — произнёс Тео. — Тогда нам точно надо успеть привести всё в порядок до его приезда.

Я уже хотела ответить, но в этот момент в дверь постучали.

Мы переглянулись.

Я пошла открывать.

На пороге стояла Нора. С небольшой сумкой в руках, в простом дорожном платье и с робкой, но тёплой улыбкой на лице.

— Добрый вечер, — сказала она. — Я приехала. Можно войти?

Я отступила в сторону и улыбнулась, чувствуя, как внутри всё встаёт на свои места.

— Конечно, Нора. Проходи. Добро пожаловать в наш дом.

Она переступила порог, и я закрыла за ней дверь.

Мы были вчетвером — я, Тео, Фен и новая кухарка. Это было странно и правильно одновременно. Жизнь начиналась заново.

Глава 4. «Тепло и холод».

На следующий день я снова проснулась в пустой кровати. Тео снова не было рядом. Я протянула руку к его подушке — она была прохладной. Значит, он встал уже давно.

Я села на кровати, чувствуя лёгкое разочарование, но быстро отбросила его. Встала, приняла ванну, помыла волосы, подсушила их полотенцем. Надела брюки, рубашку и мягкие туфли. Посмотрела на себя в зеркало — вид был свежим и опрятным. Удовлетворившись, я вышла из комнаты и направилась вниз.

На лестнице я услышала голоса. Я остановилась, придерживаясь за перила, и невольно затаила дыхание. Голос Тео — низкий, спокойный, с теми тёплыми нотками, которые я так любила. Он говорил о чём-то обыденном, кажется, о том, где лежат кастрюли. А следом — голос Норы. Мелодичный, мягкий, с лёгкой усмешкой. Она что-то отвечала, и в её голосе чувствовалась лёгкость.

А потом они оба рассмеялись. Негромко, свободно, будто между ними уже возникло что-то своё.

Я замерла на верхней ступеньке. Что-то кольнуло в груди, но я не стала разбираться — просто сделала глубокий вдох и спустилась вниз.

— О! Айрис, доброе утро.

Тео подошёл ко мне, приобнял и поцеловал в макушку. Я почувствовала тепло его рук и на мгновение позволила себе расслабиться. Нора посмотрела на нас и смущённо перевела взгляд обратно в сторону плиты.

— Доброе утро, леди...

— Нет, Нора. Никаких «леди». Просто Айрис.

Нора на мгновение задумалась, а потом мягко спросила:

— Тогда... госпожа Айрис?

Я кивнула.

— Да. Так хорошо.

— Хорошо, госпожа Айрис, — ответила она и снова повернулась к плите.

— «Госпожа Айрис, правильное решение. Дистанцию никто не отменял».

Только сейчас я заметила Фена на подоконнике. Он сидел в лучах утреннего солнца, жмурился и наблюдал за нами с ленивым любопытством.

— Ох, Фен...

Я осеклась и замолчала. Разговаривать с Феном в присутствии Нору я не хотела. Она пока не знала, что он не просто кот, и я не была готова объяснять это за завтраком. Вместо этого я подошла к нему, взяла на руки и погладила по голове.

— Завтрак готов, — сказала Нора, ставя на стол тарелки. — Я сейчас накрою на стол, можете садиться.

Я села за стол, посадив Фена рядом с собой. Завтрак был великолепен. Горячая каша с маслом, свежие лепёшки, ароматный чай. Я чувствовала, как от каждого кусочка по телу разливается тепло.

Тео сел напротив и, глядя на меня, улыбнулся:

— Ну как? Не жалеешь, что наняла Нору?

Я покачала головой:

— Это лучшее решение за последнее время.

Нора смущённо улыбнулась, стоя у плиты.

— Спасибо, госпожа Айрис.

Закончив завтрак, Тео встал и сказал, что пойдёт во двор чинить беседку, а если останется время — займётся качелями. Он вышел, и я слышала, как за дверью заскрипели доски.

Я всё ещё сидела за столом и допивала свой чай. Нора собирала посуду, аккуратно ставя тарелки в таз и протирая стол. Она двигалась тихо, быстро и почти беззвучно — уже чувствовалось, что она привыкла работать.

— Нора, — позвала я. — Ты уже устроилась в своей комнате?

Она остановилась, чуть повернув голову.

— Да, госпожа Айрис. Совсем немного вещей, всё поместилось. Спасибо.

— Если что-то понадобится — говори.

Она кивнула и улыбнулась.

— Спасибо. Всё хорошо. Я вам ещё суп сварю к обеду, — сказала она и вернулась к посуде.

— Нора, как твой дядя тебя так быстро отпустил? — спросила я, отставляя пустую чашку.

Она остановилась на мгновение с тарелкой в руках, потом продолжила убирать.

— Он, конечно, сначала не хотел меня отпускать. Я ведь только недавно к нему приехала, — сказала она, и в голосе её послышалась лёгкая грусть. — Но когда я сказала, что буду работать у вас, он сразу согласился.

— Да? — удивилась я. — Почему же?

Нора обернулась и улыбнулась:

— Вы ему очень понравились. Он сказал, что у вас добрые глаза.

Я невольно улыбнулась в ответ. Дедушка Сэм. Всего одна встреча, а он уже успел составить обо мне мнение. И почему-то это было приятно.

— Передавай ему привет, когда увидишь, — сказала я, поднимаясь из-за стола. — И спасибо ему за персики.

— Обязательно передам, — ответила Нора и снова повернулась к плите, что-то напевая себе под нос.

Мы с Феном вышли во двор. День сегодня был чудесный. На небе изредка проплывали облака, а лёгкий ветерок спасал от жаркого солнца. Трава под ногами была мягкой и тёплой, где-то в кронах деревьев пели птицы, и воздух был наполнен запахами лета и свежести.

Я посмотрела на Тео. Он что-то делал в беседке, сосредоточенно склонившись над досками. На нём были только брюки и рубашка, расстёгнутая на все пуговицы. Ветер играл с полами, открывая его плечи, а солнце золотило кожу. Он двигался уверенно и легко, без лишних слов. Я невольно залюбовалась им — как он поднимает доску, как примеряет её к месту, как проводит рукой по дереву.

Фен устроился рядом со мной на траве, вытянув лапы, и лениво прищурился.

— «Надо же, а он и правда умеет делать что-то кроме яичницы», — мысленно усмехнулся он.

— Прекрати, Фен, — хихикнула я ему в ответ. — Если учесть, что Тео из богатой и обеспеченной семьи, то вообще удивительно, что он умеет жарить яйца и что-то делать руками.

— «Пожалуй, ты права», — мысленно согласился он.

В этот момент Тео заметил, что я на него смотрю, и помахал мне рукой. Я ответила ему тем же. Он улыбнулся и снова вернулся к работе — поднял доску, примерил, пристукнул молотком — и я на мгновение задержала взгляд на его руках. Уверенных, сильных. Настоящих.

Я оглядела наш сад. Он всё ещё казался запущенным — сорняки, старая беседка, кривые дорожки. Особенно мне не нравился заросший пустырь перед лесом. Трава там была очень густая, почти по пояс, а земля под ногами — влажная и мягкая. Я подошла к тому месту и приложила руку.

Земля откликнулась сразу. Тёплая, живая, она будто узнала меня. Глубоко под слоем травы и корней я почувствовала что-то другое — холодную, чистую влагу. Вода. Она была

совсем близко, под самой поверхностью. Я закрыла глаза и сосредоточилась. Да, точно. Источник.

— Фен, — сказала я, оборачиваясь к нему. — Похоже, тут источник.
Фен подошёл ко мне и принялся к влажной земле.

— «Я скажу тебе больше, — произнёс он мысленно. — Похоже, тут когда-то было озеро. Но оно иссохло. Земля помнит воду, но не может её удержать».

— Сейчас исправим, — сказала я, чувствуя, как внутри поднимается предвкушение.

Мысль о помощи природе меня воодушевила. Я снова опустилась на колени, приложила обе ладони к земле и закрыла глаза. Я послала импульс глубже, в самую толщу, в поисках источника. Он откликнулся почти сразу — слабый, далёкий, но живой. Он был там, под слоями камней и спрессованной земли. Я ощутила его, словно он разговаривал со мной. Без слов, без звуков — просто чувство, что он просит о помощи. Что он хочет пробить себе дорогу наружу, но ему мешают камни. Тяжёлые, плотные, они давили на воду, не давая ей подняться.

Я открыла глаза и посмотрела на Фена.

— Там вода. Она жива. Ей нужна помощь.

Фен сел рядом и внимательно посмотрел на меня.

— «Ты собираешься поднимать воду?»

Я кивнула.

— И не только.

Фен разумно отошёл в сторону, уселся на траву и приготовился наблюдать. Я глубоко вдохнула, опустила ладони на землю и закрыла глаза. Сначала я обратилась к земле, чувствуя, как она откликается под моими пальцами — тёплая, живая, готовая меняться. Потом к воде, которая ждала внизу. Я мысленно попросила их помочь мне, и они отозвались охотно, словно только и ждали, когда их позовут.

Я чувствовала каждый камень, каждую преграду. Сначала я сдвигала их мысленно, осторожно, чтобы не повредить русло. Потом вода сама начала подниматься, следуя за мной, за моими руками, за моим дыханием. Камни послушно уступали, расступаясь в стороны, освобождая путь.

Минут через сорок напряжённой работы я открыла глаза и выдохнула. Всё тело гудело от усталости, но внутри разливалось странное удовлетворение.

Передо мной было небольшое озеро. Чистое, прозрачное, а с края, где раньше лежали камни, теперь возвышалась аккуратная горка. Та самая, что когда-то мешала источнику пробиться наружу. Теперь же вода свободно сбегала по ним вниз, создавая небольшой, но живой водопад, который наполнял воздух прохладой и влагой. Трава вокруг уже начала зеленеть, словно просыпаясь от долгого сна.

Фен подошёл ближе и, наклонившись, сделал глоток.

— «Вкусная», — мысленно произнёс он, облизнувшись. — «Ты справишься».

Я улыбнулась и, чувствуя, как усталость мягко наваливается на плечи, опустилась на траву рядом с ним. Озеро тихо шумело, и этот звук был самым успокаивающим, что я слышала за последние дни.

— Фен, это озеро очень напоминает мне то, которое я создала в академии, — сказала я, глядя на воду.

— «Ты права, Айрис», — мысленно ответил Фен. — «Оно похоже. Но это — твоё. Только твоё».

Я улыбнулась и хотела что-то ответить, но в этот момент услышала шаги за спиной. Я обернулась — Нора стояла с подносом в руках, на котором были графин с прохладной водой и два стакана. Она смотрела на озеро широко раскрытыми глазами, забыв даже поставить поднос.

— Ой, госпожа! — выдохнула она. — Откуда тут озеро? Его же ещё утром не было!

Я на мгновение замялась, не зная, что ответить. Рядом сидел Фен и молча наблюдал за мной с лёгкой усмешкой. Нора переводила взгляд с меня на озеро и обратно, явно ожидая объяснений.

— Нора, ты разве ничего не знаешь про магию? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал легко.

— Знаю, конечно, — ответила она, всё ещё не сводя глаз с озера. — Но ещё ни разу не видела, чтобы кто-нибудь так легко создал целое озеро.

— Ты принесла мне воды, спасибо, — сказала я, протягивая руку.

Нора вышла из ступора, быстро налила воды в стакан и подала мне. Я сделала глоток — холодная, чистая, она приятно освежала после напряжённой работы.

Нора тем временем взяла поднос и направилась к Тео. Я смотрела ей в след, и с каждым её шагом внутри что-то неприятно сжималось. Она подошла к нему, остановилась рядом, протянула стакан воды. Тео поднял голову, поблагодарил и принял стакан. Нора не отходила. Она стояла и смотрела, как он пьёт, с лёгкой улыбкой на лице.

В груди что-то скребло когтями.

Тео, заметив мой взгляд, приподнял бровь в немом вопросе. Я помотала головой и отвела взгляд на озеро. Вода была спокойной, прозрачной, она отражала небо и облака. Я смотрела в неё, стараясь не оборачиваться, и чувствовала, как внутри просыпается что-то, чему я не хотела давать имени.

— «Айрис, успокойся», — раздался в голове голос Фена.

— Я спокойна, Фен.

— «Не похоже. Посмотри на руки».

Я опустила взгляд. Пальцы слегка побелели, и на коже выступил тонкий, почти невидимый слой инея — будто дыхание зимы коснулось меня. Я разжала кулаки, глубоко выдохнула, и иней исчез, словно его и не было. Только лёгкая прохлада осталась на кончиках пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.